

Мужчина не заметил сложных и бурных мыслей, пронесившихся в голове сына. Увидев, что новый мультфильм не принёс результата, он почувствовал укол разочарования.

Жена молча коснулась его руки, поддерживая и утешая.

Они переглянулись. Глядя на Эла, они, как родители, всегда испытывали бесконечное чувство вины.

В отличие от обычных детей, их Эл с самого рождения был лишён способности радоваться.

Обычного ребёнка стоит лишь немного пощекотать, и он залиvisto засмеётся, раскрыв свой маленький ротик. Но сколько бы они ни старались с Элом, в ответ получали лишь пустое, непроницаемое лицо.

Когда Элу исполнилось пять месяцев, супруги наконец осознали, что что-то не так, и отвезли его к врачу.

После серии обследований доктор сообщил им ужасную новость: переходный период у Эла начался преждевременно.

Можно даже сказать, что он начался ещё в утробе матери. Когда он, месяц за месяцем, развивался, постепенно превращаясь в настоящую жизнь, его переходный период уже наступил.

Они до сих пор помнили безразличие и отчаяние на лице врача, который осматривал Эла. Он сказал: «По прогнозам учёных, лет через пятьсот такие дети, как Эл, будут повсюду. Так что у вашего ребёнка нет дефектов. Ему просто не повезло родиться раньше всех».

С точки зрения генетики, Эл был эволюционировавшим человеком. Его гены были совершеннее, чем у современных людей. И Эл был не первым таким ребёнком, которого он видел.

Возможно, врач говорил это от безысходности, но его слова так разозлили Уилсона, что тот едва сдержался, чтобы не забыть о манерах и не ударить его.

В последующие годы Уилсон и его жена Вира пришли к общему решению.

Они не знали, смогут ли сохранить беспристрастность, если у них появится второй ребёнок, который будет мило улыбаться и ластиться к ним. Говорить, что будешь любить всех одинаково, легко, но сердце всё равно выбирает, и лишь немногим удаётся быть по-настоящему

справедливыми.

У Эла не было аутизма. С возрастом он научился свободно общаться со всеми. Но из-за врождённого отсутствия эмоций его образ мыслей порой отличался от общепринятого, требуя от взрослых большего внимания и терпения.

Поэтому Уилсон и Вира твёрдо решили не заводить второго ребёнка. Все свои силы, кроме работы, они посвятили Элу.

Каждый день после работы они водили его в парки развлечений, чтобы он погрузился в атмосферу детского веселья. Они неотрывно следили за ним через мониторы в детском саду, замечая малейшие изменения в его поведении.

Они сами когда-то знали, что такое радость, но теперь почти утратили это чувство. Родители, лишь притворяющиеся счастливыми, не могли научить радоваться ребёнка, который никогда не знал этой эмоции.

Но каждый раз, когда Эл пытался улыбнуться, они понимали: нет, это не то. Это не настоящая радость. Его лицо улыбалось, губы растягивались в улыбке, но глаза, всё его существо оставалось холодным и неестественным. Его актёрская игра была хуже их собственной.

А их сокровище почему-то было уверено, что его игра безупречна.

Иногда они даже думали: может, так и оставить? В современном мире, возможно, неумение радоваться — это даже благо. Не познав прекрасного, Эл, быть может, сможет спокойно прожить свою жизнь в собственном мире.

Но диагноз врача давал им надежду. У Эла не было врождённого отсутствия эмоций, которое полностью исключало бы возможность радоваться. Просто его переходный период начался раньше. Людям после переходного периода очень трудно испытывать радость, но это не совсем невозможно.

Если бы сейчас кто-то спросил Уилсона: «Если бы у тебя был выбор, захотел бы ты вычеркнуть слово „радость“ из своей жизни? Не испытал её, не познав, ты бы никогда не страдал».

Уилсон знал, что его ответ всегда был бы «нет». Даже если это всего лишь несколько коротких лет, даже если потом всю жизнь придётся провести в тоске и поиске, он всё равно хотел бы этого.

Стремление к радости — это инстинкт человека. Если прожить жизнь, так и не познав самого прекрасного в этом мире, то лучше было бы и не родиться.

Именно поэтому он так упорно искал то, что могло бы сделать Эла счастливым.

Мы, родители, знаем вкус конфет, знаем, какие они сладкие. Поэтому мы всю жизнь будем стараться, чтобы и ты его попробовал.

Кстати, о конфетах...

Уилсон вдруг что-то вспомнил и поспешно спросил жену:

— Вира, где та коробка с конфетами из страны С, которую я тебе дал?

Затем он повернулся к Элу.

— Эл, папа на этот раз привёз тебе из страны С волшебные конфеты. Я с таким трудом их достал, они не хотели мне их отдавать, но я всё-таки смог.

В его голосе звучала гордость.

Раньше Вира уже давала Элу слушать музыку из страны С. Это была удивительная музыка. Уилсон, благодаря своей работе, немного знал язык страны С и понимал, что это были детские песенки с очень милыми текстами.

Когда родители впервые их услышали, они переглянулись, назвав это чудом из страны С. Но на Эла это чудо подействовало слабо.

Возможно, это было связано с тем, что состояние Эла было слишком тяжёлым, и его гены, по словам того врача, эволюционировали слишком далеко. Силы, заключённой в детских песенках Фэйфэя, оказалось недостаточно.

Эл покачал головой.

— Не люблю сладкое.

— Ну съешь хоть одну, — уговаривал Уилсон. — Просто попробуй. Всего одну! У меня только одна, больше, даже если захочешь, не будет.

«Ох, ну что с ним поделаешь», — вздохнул про себя Эл.

Но когда Уилсон поднёс к его губам уже развёрнутую красивую конфету, он всё же нехотя открыл рот.

Приторная сладость мгновенно заполнила рот. Эл перекатил конфету языком от одной щеки к другой.

Какой же Уилсон скучный. Эл уже столько раз говорил ему, что научился радоваться. Эл такой способный, как он мог не научиться такой простой вещи?

Взрослые верят только тому, что видят сами.

Конфета медленно таяла, и во рту стало липко и неприятно. Элу захотелось прополоскать рот.

Он встал и, не обращая внимания на выжидающие взгляды Уилсона и Виры, направился к столу, где стояла вода.

Подойдя к столу, он налил себе стакан воды и, держа его обеими руками, залпом выпил.

«Выпью, а потом скажу Уилсону и Вире, что конфета подействовала. Я снова тренировался перед зеркалом, и теперь „радость“ получается у меня ещё лучше. Пора бы им уже убедиться в этом.

Хотя... если я скажу, что конфета подействовала, Уилсон, наверное, принесёт мне ещё больше конфет.

А я не люблю сладкое и липкое».

Эл терзался сомнениями.

Уилсон смотрел, как сын залпом осушил стакан воды и замер, повернувшись к ним спиной.

Прошло некоторое время. Эл не двигался и не наливал больше воды. Уилсону стало любопытно, и он решил подойти посмотреть.

— Эл, я же сказал, у меня только одна конфета. Не бойся, я не видел, чтобы кто-то из детей так не любил сладкое, — сказал Уилсон, подходя и касаясь плеча сына.

— Не трогай меня! — вдруг резко крикнул Эл.

Уилсон вздрогнул.

— Что... что случилось?

Вира, видя, что с Элом что-то не так, тоже поспешила к нему.

Эл не позволял себя трогать, поэтому Уилсону и Вире пришлось обойти стол, чтобы посмотреть

на его лицо.

То, что они увидели, ошеломило их.

Из прекрасных голубых глаз Эла, словно из сломанного крана, непрерывным потоком лились слёзы. Они капали на стол, на пол...

Уилсон встревожился.

— Эл, где у тебя болит? Скажи мне. Это из-за той конфеты? Чёрт! Неужели Цуй подсунул мне испорченную?

«Цуй», о котором говорил Уилсон, был не кто иной, как отец Цуй Юаня, Цуй Гуан.

Зов вернул Эла в реальность. Он растерянно указал пальцем на свою грудь, потом, словно что-то поняв, на голову. В его голосе слышалось непривычное волнение:

— Сломалось! Они сломались!

— Что сломалось? — Вира обняла Эла, пытаясь его успокоить. — Эл, мой дорогой, говори медленно, не торопись. Объясни.

Эл моргнул в объятиях матери, и с ресниц сорвалась ещё одна слеза. Он открыл рот, но не смог ничего сказать. Он просто прижался к матери и молча плакал, пытаясь понять, что это за чувство.

Уилсон вдруг что-то вспомнил. Его лицо озарилось волнением. Он постарался улыбнуться и сказал Элу:

— Эл, а теперь попробуй ещё раз улыбнуться папе.

Улыбнуться?

Эл рефлекторно растянул губы в улыбку, ту самую, которую он так долго и усердно репетировал.

Сердце колотится. Папа, ты видишь? Эл правда умеет «радоваться».

Перед ними стоял всё тот же мальчик с ангельским личиком, чьи голубые, омытые слезами глаза были чисты и прозрачны, как небо.

Улыбнувшись, Эл снова прижал руку к груди. Так грустно... и так... радостно.

«Радостно» — это слово само собой возникло в его голове.

Эл снова посмотрел на отца и вдруг широко улыбнулся.

Оказывается, ошибались не Уилсон и Вира, а он. Эл действительно раньше не умел радоваться.

То было «улыбка», а это — «радость».

— Уилсон, Эл хочет конфету, — сказал Эл, не вытирая слёз, и протянул руку к отцу.

Уилсон, конечно, понял, какую конфету хочет Эл. Его лицо, только что сиявшее редкой радостью, застыло. Глядя в устремлённые на него глаза сына, он произнёс:

— Их... больше нет.

Эл замер с протянутой рукой.

— Где конфеты?

— В стране С. Очень-очень далеко, — ответил Уилсон, понимая, что имеет в виду Эл.

Эл решительно заявил:

— Едем в страну С!

Эл решил, что теперь он будет любить конфеты. Сладкие, липкие — это так здорово. Дома конфет больше нет, значит, надо ехать в страну С и найти много-много конфет. А потом спрятать их и есть потихоньку.

<http://bllate.org/book/13654/1598335>